

ПРАВОСЛАВНЫЕ САМОДЕРЖЦЫ РОССИИ

П.В. МУЛЬТАТУЛИ

Господь да благословит решение мое...

**Император Николай II
во главе действующей армии
и заговор генералов**

Православные самодержцы России

Петр Мультатули

**Господь да благословит решение
мое... Император Николай
II во главе действующей
армии и заговор генералов**

Православное издательство "Сатись"

2002

Мультатули П. В.

Господь да благословит решение мое... Император Николай
II во главе действующей армии и заговор генералов /
П. В. Мультатули — Православное издательство "Сатись",
2002 — (Православные самодержцы России)

ISBN 5-7373-0171-0

Петр Валентинович Мультатули – историк по образованию и по специальности. Закончил Государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Основная тема научных исследований – история России начала XX века и последнее Царствование. Особое внимание П.В. Мультатули уделяет изучению личности Государя Императора Николая II, которую считает ключевой в исторической судьбе России. Прадед Мультатули – Иван Михайлович Харитонов – был расстрелян в Ипатьевском доме вместе с Царской Семьей. П.В. Мультатули – аспирант Школы Политических наук в Париже, в настоящее время работает над диссертацией по теме «Русско-французский военный союз в годы Первой мировой войны».

ISBN 5-7373-0171-0

© Мультатули П. В., 2002
© Православное издательство
"Сатись", 2002

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	15
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Петр Мультатули

Господь да благословит решение мое... Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов

*По благословению
митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
ВЛАДИМИРА*

Предисловие

В 1894 году все государства земного шара поздравляли с вступлением на престол молодого русского Императора Николая II. Среди присланных почетных наград совсем не замеченным остался знак неизвестной американской религиозной организации, которая была создана за три года до вступления царя на престол. Организация называлась «Орден Тернового венца», таким же был и знак этой организации: Крест, увитый терниями.¹ Маленькая награда стала первым вещим предсказанием тернового царствования Императора Николая II.

Трагедия Николая II заключается в его царском служении и верности этому служению. Он стал Царем в то время, когда общество любой ценой стремилось к социальному равенству, к западным ценностям, когда оно перестало понимать суть и смысл царской власти и пришло к мысли о ее пагубности для России и, следовательно, ее ненужности, а так как самодержавная власть была традиционной для России, то общество стремилось уничтожить традицию и преемственность, то есть стремилось к революции. Задолго до 1917 года революция произошла в умах целых слоев русского общества.

Таким образом, Николай II становился, независимо от своих личных качеств, в глазах общества главным препятствием для достижения того социального прогресса, о котором оно мечтало, – именно в силу того, что он олицетворял собой традицию и преемственность власти. Как это ни покажется странным, но Николай II, самодержавный Царь, был заложником самодержавия, основы которого он не мог предать ни в силу своих убеждений, ни в силу той огромной ответственности за судьбы страны, которую он нес перед Богом. Именно этим убеждением наполнены его слова, сказанные в начале царствования: «Возложенное на Меня в Кремле Московском бремя власти я буду нести Сам, и уверен, что русский народ поможет Мне. Во власти Я дам отчет перед Богом».²

В то же самое время для подавляющего большинства русского общества Царь Николай II был тираном, костным реакционером и консерватором, упорно цепляющимся за власть любой ценой. Личные же качества и достоинства Императора Николая II как человека и государственного деятеля никого не интересовали, так как общество изначально видело в Николае II не реального государя, а мифический его образ. Существовало как бы два Николая II, один – реальная личность, другой – созданный миф. Реальный Император Николай II был умный, уравновешенный человек, высоких моральных принципов, глубоко верующий православный христианин, прекрасный семьянин, как любой государственный деятель не избавленный от ошибок и просчетов, но вся деятельность которого при этом была направлена на благо России. Николай II был готов во имя России пожертвовать не только властью, но и самой жизнью и жизнью своих близких, что он доказал и в вагоне царского поезда во Пскове, окруженный генералами-изменниками, и в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге, окруженный убийцами.

Другой «Николай II» – лживый миф, созданный врагами России, подхваченный интеллигенцией и внедренный в умы простых людей – рисовал образ безвольного и недалекого пошляка, который находится под каблуком своей жены и страшного Распутина и цепляется любой ценой за власть. Этот лживый образ постепенно все больше вытеснял в умах общества реальную личность царя, и к моменту революции большинство уже принимало ложь за истину. Что бы ни делал Николай II, какое бы ни принял решение, оно осуждалось обществом только в силу того, что это решение исходило от Царя, которому изначально отказывали в правильных и мудрых действиях. Причем, осуждение шло как слева, так и справа. При этом и крайне правые, и крайне левые не хотели понимать всю сложность положения, в каком оказалась русская

¹ ГАРФ. Ф. 601, оп. 1.

² *Полное собрание речей Императора Николая II. 1894–1906.* СПб, 1906, с. 155.

государственность в начале XX века. Ситуация требовала от русских политиков и гражданского общества отказа от политических и партийных амбиций, отказа от упрощенных решений, во имя спокойствия и единства Родины. На деле все происходило наоборот. Радикалы всех мастей и оттенков, мыслители и поэты, государственные мужи и промышленники, издатели и публицисты, навязывали России каждый свой рецепт спасения отечества и осуждали правительство. Осуждение и отрицание постепенно становились смыслом и сутью их деятельности. Быть хоть немного, но «революционным» становилось модным. Как заклинания повторялись слабые стишки: «Наш Царь – Мукден, наш Царь – Цусима», и никому в голову не пришло ответить: «Наш Царь – железные дороги, наш Царь – самые низкие в мире налоги, наш Царь – народное образование, наш Царь – самое демократичное рабочее законодательство, наш Царь – высшая свобода и честь Родины». Император Николай II никогда не опирался только на одну политическую силу, никогда не выражал одностороннее пристрастие к одному только политическому полюсу. Когда в 1908 году граф Коковцев спросил царя: «Ваше Величество, хотите, по-видимому, опираться на крайне правых?», последовал ответ: «Нет, я отлично знаю крайне правых».³ Он, действительно, хорошо знал цену политическому черносотенству, которое в своем воинствующем националистическом максимализме было не менее опасным, чем максимализм левых революционеров.⁴

К 1914 году русская правящая элита и многие представители императорской фамилии были также охвачены стремлением к переменам, их тоже не устраивала неизбежность русской традиционной власти. Служение Царю и Отечеству все больше заменялось у нее государственным прожектерством, склонностью к тайным обществам, политическим интриганством.

Император Николай II при вступлении на престол получил в наследство страну, морально готовую к революции. Внешнее благополучие и спокойствие были обманчивыми. С.С. Ольденбург писал: «Император Николай I, вступая на престол, должен был сломить революционный заговор гвардейского офицерства. Император Александр II начал царствовать в дни Крымской войны, Император Александр III принял власть после злодейства 1 марта, среди смуты, которая тогда казалась грозной. Правление Государя Николая Александровича начиналось в дни затишья; но еще никому из Его державных предшественников не приходилось принимать не себя такого огромного, тяжелого бремени, такой сложной задачи».⁵

Между тем, несмотря на тяжкие испытания, Николай II сумел вывести корабль русской государственности к спокойным берегам. К 1914 году Россия занимала видное место в мировой экономике и продолжала развиваться быстрыми темпами. На Западе говорили о «русском чуде». При этом русское самодержавие всегда было главным творцом этого «чуда», инициатором всех прогрессивных начинаний в технике и промышленности. Оспопрививанием Россия была обязана Императрице Екатерине Великой, железной дорогой – Императору Николаю I, Великим Сибирским Путем – Императору Александру III, научно-технической революцией начала XX века – Императору Николаю II, так как все эти начинания проводились в жизнь указаниями государей, иногда вопреки скептицизму комиссий и специалистов. Ведущую роль самодержавной власти в деле модернизации страны признает и современный исследователь Б. Н. Миронов: «В течение XIX–XX веков российское самодержавие являлось лидером модернизации, бесспорным проводником экономического, культурного и социального прогресса в стране. Существенные, может быть, наибольшие успехи за всю историю России были достиг-

³ Поливанов А.А. *Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника*. 1907–1916. Под редакцией А.М. Зайончковского. М., 1924, с. 70.

⁴ Говоря о политическом черносотенстве, автор имеет ввиду демагогов типа Пуришкевича, сделавших немало для дискредитации Императора, и ни в коем случае не стремится бросить тень на преданных престолу и России членов Черной Сотни, многие из которых стали впоследствии новомучениками Российскими,

⁵ *Русская летопись*. Книга 7. Париж, 1925, с. 22.

нуты в два последних царствования, при активном участии верховной власти и ее правительства».⁶

В современных источниках много раз приводились сведения о добыче чугуна, нефти, угля, выплавки стали, стойком курсе золотого рубля, самых низких в мире налогах и низких ценах на продукты питания, которые знаменовали успехи русской промышленности к 1913 году. Но, пожалуй, самым впечатляющим и важным является рост населения Российской империи, которое за время царствования Николая II выросло на 60 миллионов человек, факт, который не имеет аналогов в мировой истории. Этот рост является лучшим показателем того, что Россия все более становилась богатым, сытым и процветающим государством. Что бы кто ни говорил сегодня, но исторические факты упорно свидетельствуют, что русский народ никогда, ни до, ни после, в своем большинстве, в материальном плане не жил лучше и богаче, чем при Императоре Николае Александровиче.

Граф С.Ю. Витте, один из врагов Государя, писал ему в конце жизни: «Как бы ни судили современники о настоящем, беспристрастная история внесет в свои скрижали великие дела Ваши на пользу Богом вверенного Вашему Величеству народа. В Ваше царствование Россия получила прочную денежную систему, в Ваше царствование расцвела отечественная промышленность и железнодорожное строительство, в Ваше царствование с народа сняты многие тяготы – уничтожены выкупные платежи и круговая порука и проч., и проч. Но что русский народ никогда не забудет, покуда будет жить – это то, что Император Николай II призвал народ свой к совместным законодательным трудам. Это Ваша бессмертная заслуга перед русским народом и человечеством!»⁷

Но чем обеспеченнее становилась жизнь населения, чем больше богатели банкиры и промышленники, чем демократичнее и свободнее становилось внутреннее законодательство, тем больше становилось отчуждение царя и общества, царя и народа. Удивительно, но богатеющая русская буржуазия, обязанная своим богатством царской власти, была ей не союзником, но врагом. Всем известен факт финансирования революционных партий русскими миллионерами.

Таким образом, Россия накануне Первой мировой войны представляла собой феномен стремительного развития двух центробежных сил: революции промышленной сопутствовала революция духовно-нравственная. Силы этих двух революций стремились к лидерству в обществе и к захвату власти. При этом последнее становилось для них самоцелью. Таким образом, двум революциям было одинаково враждебно самодержавие и, следовательно, самодержец. Для Царя главным же оставалось соблюдение интересов нации в целом, сохранение баланса сил и соблюдение исторически сложившейся традиции преемственности власти, которая одна могла спасти Россию от неминуемого краха, к которому бы ее привела победа одной из этих двух революций. Царь был гарантом соблюдения основ государственного спокойствия, порукой от насильственного изменения социально-экономического уклада и государственного строя. Обращаясь 18 января 1906 года к депутации крестьян Щигровского уезда Курской области, Император Николай II сказал: «Вы, братцы, конечно, должны знать, что всякое право собственности неприкосновенно, то, что принадлежит помещику, принадлежит ему, то, что принадлежит крестьянину, принадлежит ему. Земля, находящаяся во владении помещиков, принадлежит им на том же неотъемлемом праве, как и ваша земля принадлежит вам. Иначе не может быть, и тут спора быть не может».⁸

То же самое Царь говорил и дворянству. В речи 2 февраля 1906 года, обращенной к депутации тамбовского и тульского дворянства, он сказал: «Вы знаете, как дороги Мне инте-

⁶ Миронов Б.Н. *Социальная история России*. СПб, 1990, т. 2, с. 227.

⁷ *Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая III другие документы. Статьи В.П. Семенникова*. М.-Л.: Госиздат, 1927, с. 100–101.

⁸ *Полное собрание речей Императора Николая II*, с. 70.

ресы всех сословий, в том числе и интересы дворянства, но в данное время Меня наиболее заботит вопрос об устройстве крестьянского быта и облегчения земельной нужды трудящегося крестьянства, при непременно условии охранения неприкосновенности частной собственности».⁹

Для успешного прохождения этого опасного участка русской истории самодержавию было крайне необходимо внутреннее и внешнее спокойствие. К 1914 году Россия была на пути к внутреннему компромиссу. Высокие прибыли и экономическая стабильность побуждали промышленные круги искать соглашения с властью, а рост уровня жизни населения лишал сторонников социальных потрясений почвы для революционной пропаганды. «Общее мое впечатление, – писал Государю П.А.Столыпин, – более чем утешительное. После страшной встряски Россия, несомненно, переживает сильный экономический подъем, которому способствует и урожай двух последних лет. Сибирь растет сказочно: в безводных степях, которые два года тому назад признавались негодными для заселения, в несколько последних месяцев выросли не только поселки, но почти города».¹⁰ «Дайте 20 спокойных лет и вы не узнаете России!», – призывал тот же Столыпин Государственную Думу.

Но колоссальное внешнее потрясение, постигшее Россию 19 июля/1 августа 1914 года, привело вновь в движение все внутренние противоречия, результатом которых стала гибель Российской империи.

Император Николай II ясно осознавал всю неподготовленность России, военную, внутриполитическую, экономическую, к всеобщей войне. Он был далек, в отличие от многих его современников, от идеи «маленькой победоносной войны». «Государь с полной ясностью осознавал, – писал генерал М.К. Дитерихс, – что в пределах земных причин и влияний общая европейская война во всех случаях будет грозить гибелью Родине».¹¹ Император с самого начала своего царствования неуклонно старался не допустить большой войны. Он понимал, что мир входит в совершенно новые реалии, и что большая война опасна для всего человечества. Этим были вызваны его Гаагские инициативы 1899 года, впервые на государственном уровне поставившие задачу ограничения вооружений и создавшие Гаагский международный суд. Эти инициативы были встречены большей частью иностранных правительств с иронией и недоумением.

Император Николай II явил накануне мировой войны, поправшей все нормы человеческой морали, пример верховного вождя христолюбивого воинства, само понятие которого напрочь забыто вплоть до сегодняшнего дня. В 1907 году Императором был утвержден «Наказ Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны», который являлся приложением к Уставу полевой службы. В Наказе говорилось: «1. Войска должны уважать жизнь и честь обывателей неприятельской стороны, а также религию и обряды веры. Всякий грабеж строго воспрещается под страхом тягчайших наказаний (вплоть до смертной казни). Раненые и больные военные чины подбираются с поля боя без различия принадлежности к какой-либо армии. С пленными надлежит обращаться человеколюбиво и предоставлять им полную свободу в отправлении религиозных обрядов. Содержать их так же, как содержатся чины русской армии. 2. Во время военных действий воспрещается применять яд или отравленное оружие, ранить или убивать неприятеля, который сложил оружие и сдался, атаковать или бомбардировать города, селения, жилища или строения, не занятые противником, захватывать и уничтожать неприятельскую собственность (если это не является военной необходимостью)».¹²

⁹ Там же, с. 71.

¹⁰ *Красный Архив*, т. 30, с. 82.

¹¹ Дитерихс М.К. *Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале*. М., 1991, с. 90.

¹² Марков О.Д. *Русская армия 1914–1917 гг.* СПб, 2001, с. 77.

Читая эти строки, понимаешь, что если бы изложенные в них принципы ведения войны были бы соблюдены воюющими сторонами в Первую мировую войну, то были бы невозможны военные преступления, начиная от Хатыни и Дрездена и заканчивая Багдадом и Белградом.

Вся дальнейшая политика Николая II, особенно после русско-японской войны, была направлена на сохранение мира. В беседе с русским послом в Болгарии Неклюдовым Николай II сказал: «А теперь, Неклюдов, слушайте меня внимательно. Ни на одну минуту не забывать тот факт, что мы не можем воевать. Я не хочу войны. Я сделал своим непреложным правилом предпринимать все, чтобы сохранить моему народу все преимущества мирной жизни. В этот исторический момент необходимо избегать всего, что может привести к войне. Нет никаких сомнений в том, что мы не можем ввязываться в войну – по крайней мере, в течение ближайших пяти-шести лет – до 1917 года. Хотя, если жизненные интересы и честь России будут поставлены на карту, мы сможем, если это будет абсолютно необходимо, принять вызов, но не ранее 1915 года. Но помните – ни на одну минуту раньше, каковы бы ни были обстоятельства или причины и в каком положении мы бы ни находились».¹³ Особенно миролюбие Царя сказалось во время Балканских войн, когда влиятельные силы в России требовали вмешаться в нее на стороне «православных братьев». Но миролюбивая политика не означала пассивности. Россия предпринимала огромные усилия, чтобы встретить войну готовой. Перед лицом военной опасности страна тратила огромные средства на оборону и развитие вооружений. Военные расходы России были самими высокими в Европе. В середине октября 1913 года была принята так называемая «Большая программа», призванная коренным образом переустроить русскую армию, доведя ее по всем показателям до современного уровня. Программа должна была быть выполнена к осени 1917 года. То есть Россия должна была быть готова к войне к тому году, когда она ее уже фактически проиграла. Б.М. Шапошников писал: «“Большая программа по усилению армии” была утверждена в октябре 1913 года и предусматривала проведение до осени 1917 года мероприятий по коренному преобразованию армии, особенно в области ее технического оснащения (количественное и качественное усиление артиллерии, развитие авиации, автомобильного транспорта и т. д.). С началом первой мировой войны выполнение программы было отменено».¹⁴

Согласно «Большой программе» вооруженные силы Российской империи в мирное время необходимо было увеличить на 480 тыс. человек, то есть на 39 %. При этом: пехоту на 57 %, кавалерию на 8 %, артиллерию на 27 %, а технические войска, включая и авиационные, на 3 %.¹⁵

Тем временем, война надвигалась неумолимо. В этом не надо видеть только злую волю людей, политику империализма европейских государств, как это делает большое количество историков. Исторические катаклизмы, как и катаклизмы природные, не всегда зависят только от воли людей. Как верно писал военный историк профессор В.Ф. Новицкий: «Никогда, быть может, в военной истории вопрос о том, кто является виновником войны, не ставился так остро, не вызывал столько споров, не возбуждал таких страстей, как в эту великую мировую войну <...> Виновников войн не существует, или все государства, участвующие в войне, являются одинаково в ней виновными. Существуют лишь причины, вызывающие войну и глубоко коренящиеся в течение целого ряда лет в толще международных отношений, подобно вулканическим силам, постепенно развивающим в недрах земли свое напряжение; а временами возникают те или другие поводы, внезапно обнаруживающие эти скрытые силы и приводящие их в действие».¹⁶

¹³ Мэсси Роберт К. *Николай и Александра. IV*, 1992, с. 255.

¹⁴ Шапошников Б.М. *Воспоминания. Военно-научные труды*. М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1983, с. 211.

¹⁵ Марков О.Д. Указ, соч., с. 3.

¹⁶ Профессор В.Ф. Новицкий. *Боевые действия Бельгии и Франции осенью 1914 года*. М.: Издание Генерального штаба,

Николай II, как мало кто из его окружения, чувствовал всю опасность надвигающейся бури. Это хорошо видно по его действиям в обстановке европейского кризиса лета 1914 года. Царь всеми силами пытался оттянуть начало мобилизации, не оставлял надежды договориться с Императором Вильгельмом II даже тогда, когда ситуация была безнадежной. Сознанием ответственности перед своей страной и призывом к миру были исполнены телеграммы царя германскому кайзеру, которых тот не захотел услышать. «Мы далеки от того, – писал он кайзеру в телеграмме 18 июля 1914, – чтобы желать войны. Пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Даю тебе в этом мое слово. Я верю в Божье милосердие и надеюсь на успешность твоего посредничества на пользу наших государств и европейского мира. Преданный тебе Н.». ¹⁷ Телеграммы Николая II полны миролюбия, а в своих действиях он готов был пойти даже на опасные, с военной точки зрения, шаги, такие как, например, – приостановка мобилизации, в надежде на благоразумие германского руководства. Однако, в ответных телеграммах Вильгельм II, который много говорил об ужасах войны и необходимости мира, не желал все же искать никакого компромисса, а разрешение кризиса видел только в безоговорочном успехе Германии и Австро-Венгрии, и потому ставил ультиматумы: «Вчера, – писал он Царю 19 июля/1 августа 1914 года, – я указал твоему правительству единственный путь, которым можно избежать войны. Несмотря на то, что я требовал ответа сегодня к полудню, я еще до сих пор не получил от моего посла телеграммы, содержащей ответ твоего правительства. Ввиду этого я был принужден мобилизовать свою армию. Немедленный, утвердительный, ясный и точный ответ от твоего правительства (т. е. фактическая капитуляция России перед германскими захватническими требованиями – П.М.) – единственный путь избежать неисчислимы бедствия. <...> Я должен просить тебя немедленно отдать приказ твоим войскам ни в коем случае не пересекать нашей границы. Вилли». ¹⁸ Таким образом, Император Вильгельм хотел, чтобы Россия отказалась от мобилизации, полностью предоставила возможность германским государствам расправиться с Сербией и утвердиться на Балканах и смотрела при этом, как германская армия мобилизуется против нее, не предпринимая никаких мер для своей обороны! Но даже эта вопиющая телеграмма кайзера была послана немцами с опозданием и пришла в Петергоф уже после объявления Германией войны России. На подлиннике телеграммы рукой Императора Николая II написано: «Получена после объявления войны».

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов вспоминал впоследствии: «В тяжелые дни, предшествовавшие войне с Германией, когда уже всем было ясно, что в Берлине было решено поддержать всей мощью притязания Австрии на господство на Балканах и что нам не избежать войны, мне привелось узнать Государя со стороны, которая при нормальном течении политических событий оставалась малоизвестной. Я говорю о проявленном им тогда глубоком сознании его нравственной ответственности за судьбу России и за жизнь бесчисленных его подданных, которым европейская война грозила гибелью. Этим сознанием он был проникнут весь, и им определялось его состояние перед началом военных действий». ¹⁹

Этим Николай II принципиально отличался от остальных государственных деятелей тогдашней Европы. Характерны слова Императора Николая II, что «война приведет к гибели сотен тысяч русских людей». Подобная мысль не была высказана больше ни одним государственным деятелем той эпохи. Великий князь Александр Михайлович писал: «Император Николай II делал все, что было в его силах, чтобы предотвратить военные действия, но не

1920, с. 5.

¹⁷ Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М.Н. Покровского. Пг.-М.: Госиздат, 1923, с. 174.

¹⁸ Переписка..., с. 175.

¹⁹ Сазонов С.Д. Воспоминания. М. 1991, с. 248.

встретил никакой поддержки в своих миротворческих стремлениях у своих ближайших соратников – министра иностранных дел и начальника Генерального штаба».²⁰

Между тем, вопреки желанию Царя, война началась. Николай II воспринял ее как тяжелое испытание, ниспосланное Господом России, как угрозу ее национальной независимости и свободе. Царь полагал, что в эти священные и грозные дни весь народ должен объединиться и подняться на отпор германскому натиску. Этими же чувствами продиктованы слова царского манифеста об объявлении войны: «Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих Держав.

Мы неколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все Наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшись как один человек, дерзкий натиск врага».²¹

Русское общество восприняло начало войны восторженно. Но одной из основных причин этой восторженности было опять-таки стремление общества к переменам государственного строя, которые в его глазах становились возможными благодаря общей грядущей победе в союзе с «передовыми» Францией и Англией. «Война, которою мы ведем бок о бок с англичанами и французами, – заявлял кадет Ф.И. Родичев, – приведет нас к полному торжеству свободы как во внешней, так и во внутренней политике».²² Еще более определенно высказывался лидер кадетской партии П.Н. Милюков: «Мысль о том, что настоящая война есть освободительная и что борьба за победу есть в то же время борьба за лучшее будущее России, сделалась аксиомой для всех прогрессивных общественных мнений».²³

Таким образом, изначально у царя и общества были разные цели в начавшейся войне: Николай II на первый план ставил победу русского оружия, общество – победу русской «демократии». Пока Царь ездил в действующую армию, разрывался между фронтом и столицей, делал все для приближения победы, общество создавало комитеты, рассуждало о неудачах, критиковало правительство, искало изменников. Особенно все это усилилось при первых крупных неудачах. Общество, в лице либеральных деятелей, поняло, что ему предоставляется исключительный случай для осуществления своей идеи социально-политического переворота. Чем дальше продвигались германские армии вглубь территории империи, тем громче раздавались крики об измене и ничтожестве власти и командования. Но в самый критический момент, когда казалось, что Россия проиграла войну, Император Николай II, в очередной раз жертвуя собой, принял верховное командование на себя, и, казалось бы, безнадежное отступление оставалось. Но эта жертва Николая II не была оценена ни народом, ни обществом, а его роль в командовании армией в период Первой мировой войны до сих пор не изучена. Почему Император Николай II принял верховное командование, каков его вклад в руководство войсками, почему, наконец, доведя страну до порога победы, он был свергнут с престола при активном содействии армейской верхушки? На эти вопросы и пытается ответить настоящий труд.

Умалять роль Николая II было и остается для многих историков признаком хорошего тона и как бы само собой разумеющимся положением. В отечественной истории нет другого государственного деятеля, столь порицаемого и принижаемого, как Николай II. Большинство исторических исследований о Николае II, как отечественных, так и зарубежных, основаны, чаще всего, на мифах, причем мифах, или умаляющих роль последнего русского царя, или

²⁰ Великий князь Александр Михайлович. *Мемуары великого князя*. М.: Захаров-Аст, 1999, с. 248.

²¹ Нива, июль 1914.

²² Алексеева И.В. *Агония Сердечного Согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917*. Л., 1990, с. 12.

²³ Алексеева И.В. Указ, соч., с. 12.

совершенно неверно истолковывающих его действия. К таковым относится миф о «слабоволии» Императора, о влиянии на него Распутина, о влиянии на него императрицы, о его узколобом консерватизме и так далее. Эти мифы стали рождаться еще в царствование Николая II, получили широкое распространение после его свержения с престола и продолжают, слегка изменившись, существовать и сегодня. Не надо думать, что это принижение роли Николая II происходит всегда из-за мировоззренческой позиции авторов. Как правило, срабатывает стереотип мышления, идеологические традиции десятилетий. Как хорошо писал Г.М. Катков в своем труде о Февральской революции: «У истины много врагов. И ложь, хоть и самый заметный, но не самый коварный и пагубный. У явной и сознательной лжи, по поговорке, ноги короткие, далеко уйти она не может. Гораздо труднее одолеть обольщение и предвзятость, укоренившиеся легенды и полусознанный страх, который мешает видеть то, что может разрушить дорогие нам верования».²⁴ Вот эти укоренившиеся легенды и полусознательный страх и продолжают мешать непредвзятому изучению царствования Николая II.

Лишь очень немногие, и тогда, и сейчас, борются с ними (прежде всего, стоит отметить выдающуюся работу С.С. Ольденбурга). Большим шагом вперед в борьбе с «мифологией» стали современные работы А.Н. Боханова, О.А. Платонова, М.В. Назарова, протоиерея Александра Шаргунова.

Одним из весьма распространенных заблуждений является миф о якобы «роковом» шаге Николая II по принятию верховного командования в 1915 году, ускорившим, по мнению многих, революцию 1917 года. В советские годы за аксиому была взята позиция по этому вопросу русских правящих кругов в 1915 году, наиболее ярко выраженная в письме министров Николаю II. На основе этой позиции советской историографией был сделан следующий вывод: безвольный и ограниченный Царь принял командование под влиянием своей жены и Распутина, так как боялся потерять престол и завидовал славе своего дяди великого князя Николая Николаевича. Никаких других концепций не допускалось. Сам факт принятия верховного командования Царем подавался этими авторами с целью лишний раз подчеркнуть степень разложения царского режима. В свете этой концепции строилось отношение советской историографии и к роли Николая II в руководстве вооруженными силами России, сводившееся к отрицанию вообще этой самой роли. В результате из отечественной истории выпадал напрочь огромный период, касающийся одного из самых трагических ее событий – Первой мировой войны.

Изучая и сопоставляя источники, автор пришел к совершенно иным выводам, по сравнению с теми, какие выдвигались и часто до сих пор выдвигаются отечественной и западной историографией. Принятие Николаем II верховного командования имело две причины: военную и политическую. Первая причина заключалась в военных поражениях русской армии, вторая – в созревшем в недрах Государственной думы ползучем государственном перевороте, имевшем целью ограничение власти царя. Этот тихий заговор имел своих сторонников как в правительстве, так и в Ставке. Возглавив армию, Царь наносил по этому перевороту предупреждающий удар. С первой, военной задачей Николай II справился: факты свидетельствуют, что после принятия Царем верховного командования произошел поворот в войне в пользу русской армии. Со второй задачей Царь справился лишь наполовину: он сумел не допустить смычки заговорщиков и армии в 1915 году, но, доверившись новому, им назначенному и им возглавляемому, руководству Ставки, упустил возникновение новой, еще более опасной смычки, приведшей к заговору февраля 1917 года, свергнувшему его с престола.

Настоящая работа не является сотворением нового мифа о «великом полководце» Николае II. Ее цель – освещение истинной роли Царя на посту Верховного Главнокомандующего русской армии в тяжелейшее время: в 1915–1917 годах; истинные причины, побудившие его этот пост занять; а также те последствия, военные и политические, к которым это решение

²⁴ Катков Г.М. *Февральская революция*. Париж: Имка-Пресс, 1984, с. 7.

привело. Автор не стал подробно останавливаться на каждом годе пребывания Николая II на посту Верховного Главнокомандующего, не стал отдельно разбирать его роль в каждой военной операции. Цель – дать общую картину военной и политической обстановки в те годы и то, как Николай II действовал в этой обстановке. За отправную точку отсчета взят 1915 год, ставший во многом роковым для царя и России, так как именно этот год обозначил окончательный раскол русского общества, закончившийся февралем 1917 года.

Другая тема, которая так же мало изучена в отечественной и тем более в иностранной историографии, – участие верхушки армии в Февральской революции. В советское время, исходя из большевистских догм, было принято считать, что февральские события развернулись стихийно и были вызваны якобы нехваткой хлеба в столице, усталостью от войны и ненавистью к самодержавию. О заговоре против Царя говорили неохотно, всегда указывая, что он лишь планировался русским капиталом при поддержке Антанты, но произойти не успел из-за того, что пролетариат перехватил инициативу.

Книга имеет три части. Первая посвящена причинам, побудившим Николая II стать во главе армии. Вторая часть касается непосредственного руководства Николаем II русской армией в последние предреволюционные годы. Третья освещает роль русского генералитета в заговоре против Николая II, роль, по нашему мнению, решающую и роковую.

Часть 1

Трудное решение: принятие императором Николаем II верховного командования

Глава 1

Великий князь Николай Николаевич (Младший) и военные поражения русской армии летом 1915 года

Шел третий год Мировой войны. Никогда еще Россия не сталкивалась с таким упорным и сильным врагом, как германская армия. Первые русские победы 1914 года в Восточной Пруссии и Галиции не привели к решительному успеху, а летом 1915 года над русской армией нависла угроза катастрофы. Германские войска под общим командованием генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга, воспользовавшись своим подавляющим превосходством в тяжелой артиллерии, обрушили на русские войска ураганный огонь, сметавший одну их позицию за другой. Фронт в районе Горлицы был прорван, и немцы устремились в пределы Царства Польского и прибалтийских губерний. В августе вся русская Польша была в руках противника, были оставлены крепости Брест-Литовск и Новогеоргиевск. В этих условиях взгляды русских людей с надеждой были устремлены на Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, которого считали выдающимся полководцем. От него ждали твердости духа и скорейшего исправления сложившейся тревожной ситуации. Однако, этим надеждам не суждено было сбыться.

История знает множество мифов. Эти мифы бывают иногда настолько живучи, что их воспринимают как истину. Мифы эти, конечно, создаются конкретными людьми ради конкретных целей, но затем они начинают жить сами по себе, и бороться с ними бывает крайне нелегко. К числу таковых относится миф о «выдающемся полководце великом князе Николае Николаевиче». Великий князь всегда противопоставлялся Царю, их сравнивали, желая принизить и всячески умалить роль Императора Николая II в управлении войсками. Возражения и протесты против подобных утверждений тонули в панегириках, воздаваемых великому князю Николаю Николаевичу. Причем, авторами этих панегириков были люди, перед авторитетом которых невольно отступали на второй план разоблачители. Вот лишь некоторые из них. Генерал А.А. Брусилов: «Верховным Главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич. По моему мнению, в это время лучшего Верховного Главнокомандующего найти было нельзя. Это человек, всецело преданный военному делу, и теоретически и практически знавший и любивший военное ремесло»²⁵; генерал Ю.Н. Данилов: «Великий Князь Николай Николаевич! Кто не слышал этого имени? Первый русский Верховный Главнокомандующий в период участия России в мировой войне. Лицо, стоявшее во главе огромной пятимиллионной армии; человек, имевший на своей ответственности задачу защиты огромного государства, составлявшего 1/6 часть всей суши земного шара. Через ряды этой армии за все время командования ее Великим Князем прошли, по крайней мере, еще столько же миллионов людей, собранных со всех концов России. Подчиненную ему армию он умел вести к победам; ее достоинство он умел сохранить и в период тяжких неудач. Великий Князь Николай Николаевич поражал всех, впервые его видевших, прежде всего своей выдающейся царственной внешностью, которая производила небывалое впечатление. Чрезвычайно высокого роста, стройный и

²⁵ Брусилов А.А. *Мои воспоминания*. М.: Военное издательство Народного Комиссариата Обороны, 1943, с. 64.

гибкий, как стебель, с длинными конечностями и горделиво поставленной головой, он резко выделялся над окружавшей его толпой, как бы значительна она ни была. Тонкие, точно выгравированные, черты его открытого и благородного лица, обрамленные небольшой седеющей бородкой-клинышком, дополняли его характерную фигуру»²⁶.

Между тем, исторические факты неумолимо свидетельствуют об огромной личной ответственности великого князя Николая Николаевича и его штаба за провал успешно начатой кампании 1914 года и за кровавое отступление 1915 года. Именно под руководством великого князя Россия оказалась весной-летом 1915 года перед угрозой военного поражения, при командовании великого князя были оставлены обширные территории империи, несомненно, великий князь способствовал хаотичному и бездумному исходу сотен тысяч мирного населения, что резко ухудшило внутреннее положение в государстве. Объективные исторические факты безоговорочно свидетельствуют, что только после отстранения великого князя от верховного командования ситуация была стабилизирована, а в 1916 году стала резко меняться в лучшую сторону.

Ниже мы постараемся рассмотреть, к чему привело русскую армию руководство великого князя Николая Николаевича, в какой обстановке Император Николай II принял решение возглавить русскую армию и каковы были причины того, что Царь лично возглавил свои войска. Но вначале дадим краткие биографические сведения о великом князе Николае Николаевиче.

Великий князь Николай Николаевич-младший родился 18 ноября 1856 года в семье великого князя Николая Николаевича-старшего. Великий князь Николай Николаевич-младший приходился племянником Императору Александру II и двоюродным дядей Императору Николаю II. Великий князь окончил Николаевское инженерное училище и Академию Генерального Штаба. Во время русско-турецкой войны 1877-78 годов он состоял при главнокомандующем русской армии, своем отце, а по окончании войны командовал лейб-гвардии Гусарским полком. В 1895 году великий князь был назначен генерал-инспектором кавалерии, и в этой должности он пробыл до 1905 года. С 1905 он – командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. Как и все члены Дома Романовых, он получил хорошее военное образование, был прекрасным наездником и хорошим кавалерийским начальником. Именно при деятельном участии великого князя в России был принят хороший кавалеристский устав. «Следует отдать должное великому князю: он сделал много для воспитания и приведения в порядок нашей кавалерии. При нем она могла считаться одной из лучших в мире», – писал генерал А. А. Мосолов.²⁷

О заслугах великого князя как кавалерийского начальника писал даже такой его непримиримый враг, как генерал В. А. Сухомлинов: «Как инспектор кавалерии, Николай Николаевич действительно, оказал большие услуги армии. Сам он был хороший и выносливый ездок».²⁸

Но уже тогда подчиненные отмечали грубость, нетерпимость и мелочность великого князя Николая Николаевича, его огромное самомнение и стремление доминировать во всем. Эти его качества выявились в полной мере тогда, когда великий князь начал активно вмешиваться во внутренние дела государства. Великий князь Александр Михайлович дает следующую характеристику своему двоюродному брату: «Мой двоюродный брат Николаша был превосходным строевым офицером. Не было равных ему в искусстве поддерживать строевую дисциплину, обучать солдат и готовить строевые смотры. Как все военные, привыкшее иметь дело со строго определенными заданиями, Николай Николаевич терялся во всех сложных политических положениях, где его манера повышать голос и угрожать наказанием не про-

²⁶ Данилов Ю. *Великий Князь Николай Николаевич*. Париж, 1930, с. 5–8.

²⁷ Мосолов А.А. *При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора*. СПб: Наука, 1992, с. 145.

²⁸ Сухомлинов В. *Воспоминания*. Берлин, 1924, с. 304.

изводила желаемого эффекта. Из всех членов императорской семьи великий князь Николай Николаевич имел самое большое влияние на наши государственные дела. Он отличался редкой честностью, но ограниченностью ума, был превосходным строевым офицером, но никудышным политиком».²⁹

Эти вмешательства великого князя Николая Николаевича отражались самым негативным образом на государственных делах. После того, как Император Николай II под давлением своего дяди подписал Манифест 17 октября 1905 года, хотя внутренне и был противником этого манифеста, великий князь был фактически отстранен Государем от дел внутренней и внешней политики. Былое доверие к дяде сменилось в душе Государя настороженностью. Генерал А.А. Поливанов писал в своем дневнике 5 июля 1908 года: «Всеобщее внимание обратило на себя холодное отношение Государя и Императрицы к великому князю Николаю Николаевичу».³⁰

В 1906 году великий князь Николай Николаевич возглавил Совет Обороны. Николай Николаевич предлагал полностью перестроить армию, в частности, уничтожить резервные войска и ввести единообразие военной организации для всей армии.³¹ Великий князь предлагал нацеливать армию на наступательную войну. При этом он был горячим сторонником Франции и Англии и противником Германии. Эти свои чувства он переносил на вопросы политики, что грозило самыми непредвиденными осложнениями. П.А. Столыпин говорил про великого князя Николая Николаевича: «Удивительно он резок, упрям и бездарен. Все его стремления направлены только к войне, что при его безграничной ненависти к Германии очень опасно. Понять, что нам нужен сейчас только мир и спокойное дружное строительство, он не желает и на все мои доводы отвечает грубостями. Не будь миролюбия Государя, он многое мог бы погубить».³²

Великий князь любил публично заявлять о своих воинственных намерениях. Немецкий историк Вернер Бемельбург писал: «Осенью 1912 года великий князь Николай Николаевич, который присутствовал на больших французских маневрах, как представитель империи царей, поднял на прощальном ужине свой полный бокал шампанского и воскликнул под возторженные аплодисменты французских офицеров: “Я пью за нашу общую будущую победу! До встречи в Берлине, господа!”»³³

В воспоминаниях графа С.Ю. Витте мы находим подтверждение этим словам. Витте пишет, что еще во время русско-японской войны великий князь Николай Николаевич носился с мыслью начать войну против Германии и Австро-Венгрии. Мысль эта была тем более бессмысленной и вредной, что в конфликте с Японией германский кайзер Вильгельм был на стороне России, исходя, конечно, из германских интересов. Между тем Витте пишет: «Было решено, что главнокомандующим армией, которая должна будет идти против Германии, будет великий князь Николай Николаевич, а главнокомандующим армией, которая будет действовать против Австрии, будет военный министр генерал-адъютант Куропаткин. Между великим князем Николаем Николаевичем и Куропаткиным уже начали происходить всевозможные разногласия по вопросам этой войны. Куропаткин во многом не соглашался с великим князем, причем, я несколько раз слышал от Куропаткина самые отрицательные отзывы относительно проектов Николая Николаевича и вообще относительно его различных способностей как военного. Что касается оценки великого князя Николая Николаевича как человека, очень мягко

²⁹ Александр Михайлович, великий князь. *Воспоминания. Две книги в одном томе*. М.: Захаров-Аст. 1999, с. 140–141.

³⁰ Поливанов А.А. *Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916*. Под редакцией А.М. Зайончковского. М., 1924, с. 48.

³¹ Шацилло К.Ф. *От Портсмутского мира к Первой мировой войне*. М: РОССПЭН, 2000, с.124.

³² Бок (Столыпина) М.П. *Воспоминания о моем отце НА. Столыпине*. М., 1992, с. 234.

³³ Werner Beumelburg. *La Guerre de 14–18 racontée par un Allemand*.

выражаясь, самоуверенного и неуравновешенного, с весьма малым запасом логики, я был в этом отношении совершенно согласен с Куропаткиным».³⁴

Адмирал И.К. Григорович писал в своих воспоминаниях о 1912 году, когда кризис на Балканах чуть не вовлек Россию в войну: «Я мечтал отдохнуть, даже заказал себе билеты на два-четыре месяца за границу, но меня не пустил Государь Император. В Черном море завязываются военные осложнения на Балканском полуострове. Его Величество просит обождать, так как военная партия требует вмешательства, это именно великий князь Николай Николаевич, которому все равно, готов флот или нет, лишь бы начать войну с готовой армией (без артиллерии и проч.)»³⁵

Записи адмирала Григоровича в 1914 году еще более тревожные. Он пишет, что военные «действительно втянут нас в войну и очень скоро. Недаром Николай Николаевич все хлопочет о морской демонстрации у Бургоса, хорошо, что Государь не соглашается».³⁶

В этих строках, также, как и в воспоминаниях дочери Столыпина, мы снова сталкиваемся с бездумной воинственностью великого князя, которая неизменно находит отпор в лице Императора Николая II.

Историк Д. Чавчавадзе также подтверждает «воинственность» великого князя, который «всегда ненавидел немцев, и его радовала перспектива войны с ними...»³⁷

Однако, при всей своей воинственности великий князь Николай Николаевич военным ремеслом заниматься не любил. «На практике, – говорится в книге современных российских военных историков “Первая Мировая война”, – своими полномочиями Николай Николаевич пользовался весьма своеобразно. Он не пожелал участвовать в русско-японской лишь потому, что не ладил с адмиралом Е.И. Алексеевым, поставленным Царем наместником на Дальнем Востоке. В 1910 году он отказался руководить подготовленной русским Генеральным штабом стратегической военной игрой, которая была фактически сорвана. Официальной причиной отказа послужили разногласия между великими князем и военным министром на цели и замысел военной игры».³⁸

Витте весьма негативно высказывался в отношении личности великого князя Николая Николаевича и его военных способностей: «Я его считаю человеком крайне ограниченным, но не дурным и честным, безусловно преданным Государю, имеющим некоторые военные способности. Он натворил и, вероятно, еще натворит много бед России, но способен приносить пользу».³⁹

Оставим на совести Витте слова о «преданности Государю» великого князя, тем более, что сам же Витте в других местах своих воспоминаний их и опровергает. Важно другое: Витте явно негативно оценивает великого князя Николая Николаевича, называя его в других местах воспоминаний «тронутым» человеком, с «зайчиком в голове». Можно было бы скептически отнестись к словам Витте, так как нет, наверное, ни одного современного ему государственного или военного деятеля, за исключением, пожалуй, Императора Александра III, о котором граф не высказался бы отрицательно. Самый умный и безгрешный человек в воспоминаниях Витте – это сам Витте. Но подобные же мнения о великом князе Николае Николаевиче мы встречаем и у других действующих лиц той эпохи. Так, генерал Мосолов пишет о «крайне узком кругозоре и весьма невозышенной душе» великого князя.

³⁴ Витте С.Ю. *Избранные воспоминания*. М.: Мысль, 1991, с. 436–437.

³⁵ ЦГАВМФ. Ф. 701, оп. 1, д. 5, с. 71.

³⁶ ЦГАВМФ. Ф. 701, оп. 1, д. 5, с. 75.

³⁷ Чавчавадзе Давид. Указ, соч., с. 171.

³⁸ Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. *Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников*. Под общей редакцией В.П. Маяцкого. М.: Элакос, 1994, с.15.

³⁹ Витте С.Ю. Указ, соч., с. 434.

Тем не менее, для людей, близко его не знавших, особенно военных, великий князь был олицетворением воинской доблести. Подкупали его грозная внешность, строгость и высшее военное образование. На великого князя также падал луч славы его отца – победителя турок. Все это делало великого князя Николая Николаевича популярным в войсках и в народе. Однако, авторитет его в войсках не был таким уж непререкаемым. Американский историк Д. Чавчавадзе, относящийся с большой симпатией к великому князю, пишет, что он «серьезно занялся военной карьерой и был единственным из военных князей, служившим в чине капитана в Генеральном штабе. Отца великого князя любили, сам же Николай Николаевич не был популярен в армейских кругах из-за нестигаемости, консерватизма и приверженности строгой дисциплине, но его ценили за то, что он был отличным служакой».⁴⁰

М. Лемке писал, что «до войны отношение к Николаю Николаевичу было двойственное; армия относилась к нему довольно сдержанно, особенно те части, в которые он в свое время приезжал не в духе, прогонял их с матерной бранью с места смотра и т. п., но ценили его элементарную честность, знание службы, умение подчиняться долгу, прямоту и серьезное отношение к своим обязанностям, порицая, однако, распушенность, крикливость, несдержанность».⁴¹

Князь Владимир Трубецкой писал о своих впечатлениях о великом князе Николае Николаевиче: «Великий князь выглядел на коне весьма эффектно. Несмотря на то, что он обладал огромнейшим ростом и чрезмерно длинными ногами, у него была та идеальная, несколько кокетливая «николаевская» посадка кавалериста старой школы, посадка, которая так красила всадника, сливая его с конем в нераздельное и гармоничное целое. Одет был Николай Николаевич в китель защитного цвета с золотым генерал-адъютантским аксельбантом и простой походной ременной амуницией. На голове у него была по-кавалерийски заломленная мятая, защитного цвета, фуражка, на ногах – длинные рейтузы с яркими красными лампасами. В то время он был уже в годах, однако, все еще выглядел моложаво. Его лицо, заканчивающееся книзу небольшой бородкой, было загорелое и неправильное. Оно не было красивым, но надолго врезалось в память, потому что оно не было обыкновенным военным лицом пошлого генерала. Это было совсем особенное лицо очень большого начальника-вождя – властное, строгое, открытое, решительное и, вместе с тем, гордое лицо. Взгляд его глаз был пристальный, хищный, как бы всевидящий и ничего не прощающий. Движения – уверенные и непринужденные, голос – резкий, громкий, немного гортанный, привыкший приказывать и выкрикивающий слова с какой-то полупрезрительной небрежностью. Николай Николаевич был гвардеец с ног до головы, гвардеец до мозга костей. И все-таки второго такого в гвардии не было. Несмотря на то, что многие офицеры старались копировать его манеры, он был неподражаем. Престиж его в то время был огромен. Все трепетали перед ним, а угодить ему на учениях было нелегко».⁴²

В этом отрывке, в общем-то, весьма положительном для великого князя, тем не менее просматриваются те его черты, которые впоследствии будут играть немалую роль в военных неудачах: «полупрезрительное» отношение к людям, «хищность» и беспощадность. Однако, если бы эти черты сочетались в великом князе с огромным военным дарованием, если бы его презрительность к людям была бы презрительностью Наполеона, а его «хищность» была бы хищностью Мольте, то о них можно было бы забыть, сославшись на оригинальность гения.

Но в том-то и дело, что за образом «отличного служаки» скрывался весьма посредственный стратег, но об этом до начала Мировой войны знали немногие.

26 июля 1908 года Император Николай II упразднил Совет Государственной Обороны, высказав при этом следующие соображения: «Государь сказал: “Когда я учреждал СГО, я

⁴⁰ Чавчавадзе Давид. *Великие князья*. Екатеринбург: Издательство “СВ-96”, 1998, с. 169.

⁴¹ Лемке М. *250 дней в Царской Ставке*. Петербург, 1920, с. 81.

⁴² Охлябинин Сергей. *Честь мундира. Чины, традиции, лица. Русская армия от Петра I до Николая II. 50 исторических миниатюр, иллюстрированных автором*. М.: Издательство “Республика”, 1994, с. 265–266.

думал объединить с военным и морским делом вопросы политические и финансовые, что не удалось. Нет надобности в таком постоянном учреждении, его надо собирать, когда надо, из тех же лиц или других". Я вставил: "Желательно под председательством Вашего Императорского Величества". – "Конечно, вообще я думаю более взять военное дело в свои руки, но разве я мог сделать это в эти три года"». ⁴³ Этот отрывок из дневника Поливанова убедительно свидетельствует, что Николай II задолго до Первой мировой войны считал необходимым лично возглавлять вооруженные силы.

1 августа 1914 года началась война с Германией. Император сам хотел встать во главе армии. Строго говоря, он и так был во главе ее, так как по Законам Российской Империи «верховное начальствование над военными силами Империи сосредотачивалось в особе Государя Императора». Речь, таким образом, шла о должности Верховного Главнокомандующего, который, если только эту должность не занимал сам царь, все равно подчинялся монарху. Решение Государя возглавить армию в 1914 году вызвало серьезные возражения со стороны Совета Министров, члены которого были убеждены в необходимости присутствия Царя в столице во время войны. Взвесив все «за» и «против», Император согласился с мнением главы правительства. Однако, Николай II вовсе не считал свое решение не принимать верховного командования окончательным. Наоборот, он лишь отсрочил его. Адмирал Григорович вспоминал: «В Петербурге собирались частые Советы Министров под председательством Государя, и на первом из них Его Императорское Величество выразил желание стать во главе войск, но решительно все министры высказались против этого желания, доказывая Императору, что все возможные неудачи, которые могут быть всегда, свалятся на Него, как на главного виновника. Молчал лишь один И.Л. Горемыкин. В конце концов, Государь с нашими доводами согласился, но указал, что впоследствии еще раз этот вопрос обсудит». ⁴⁴

Начальник штаба генерал Н.Н. Янушкевич уведомлял в циркуляре от 20 июля 1914 года командующего Северо-Западным фронтом генерала Жилинского: «Государь Император повелел быть Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу Верховным Главнокомандующим, впредь до того времени, когда Его Императорскому Величеству благоугодно будет вступить в предводительство вооруженными силами лично». ⁴⁵

Встал вопрос, кого назначать на высокую военную должность. Царь не хотел назначать на нее великого князя Николая Николаевича, так как был весьма низкого мнения о его военных способностях. «В начале войны, – пишет великий князь Александр Михайлович, – Царь не хотел вверить Верховное командование русской армией дяде Николаше, прекрасно сознавая, что его военный дилетантизм быстро поблекнет перед военным гением Людендорфа и Макензена». ⁴⁶

Генерал В.А. Сухомлинов пишет в своих воспоминаниях, что после состоявшегося совещания, на котором министры, включая, по его собственным словам, и его самого, уговаривали Николая II не принимать на себя верховное командование, он поехал с очередным докладом к Царю в Петергоф. «Когда я вошел в кабинет Государя, то он встретил меня со словами: "И вы пошли против меня – так я вас назначаю Верховным Главнокомандующим". Я никак не ожидал ничего подобного». Сухомлинов поинтересовался: «Какое положение при этом будет великого князя Николая Николаевича?» Государь мне ответил словами: «Он будет командовать шестой армией». ⁴⁷

⁴³ Поливанов А.А. Указ, соч., с. 49.

⁴⁴ ЦГАВМФ. ф. 701, оп.1, д.5, с. 107.

⁴⁵ *Восточно-Прусская операция. Сборник документов.* М.: "Воениздат", 1939, с. 90.

⁴⁶ Александр Михайлович, великий князь. Указ, соч., с. 176.

⁴⁷ Сухомлинов В. Указ, соч., с. 293.

Это же подтверждает в своих воспоминаниях русский военный деятель, бывший в 1905-09 гг. военным министром, А.Ф. Редигер: «По первоначальным предположениям, бывшим до объявления войны, Верховным Главнокомандующим должен был быть Государь. Он уже в то время, когда я был министром, говорил мне, что в случае войны он ни за что не останется вновь в тылу, а непременно будет сам командовать армиями, не потому, что считал себя полководцем, а потому, что, по его убеждению, при этом устраняются многие затруднения и трения, не говоря уже о том, что он любил войска и военное дело и предпочитал быть во время войны в армии, а не в тылу. Между тем, при объявлении войны верховное главнокомандование было поручено великому князю Николаю Николаевичу, правда с оговоркой, что это делается временно, пока Государь сам не примет командования».⁴⁸

«Я лично не ожидал ничего хорошего от назначения Его Высочества Верховным Главнокомандующим», – писал генерал Мосолов.⁴⁹

В результате, из-за непринятия Царем верховного командования возникла раздвоенность власти, которая, при амбициях великого князя, впоследствии привела к военно-политическому кризису. Это признают многие, даже те, кто с большим почтением относились к великому князю Николаю Николаевичу. Так, адмирал А.Д. Бубнов пишет, что Николай II «вопреки предположениям, не принял на себя верховного командования вооруженными силами, и, таким образом, исчезла даже самая возможность полного единства действий обоих органов власти, мыслимая лишь при объединении их обоих в одних руках».⁵⁰

Справедливости ради надо сказать, что некоторые решения великого князя в ходе Первой мировой войны были весьма смелыми и благотворными для вооруженных сил. Так, например, лишь поддержка великого князя спасла в 1914 году чудо русской авиационной мысли самолеты Сикорского «Илья Муромец» от незаслуженного забвения, так как некоторые летчики и даже сам командующий русской военной авиацией великий князь Александр Михайлович считали эти самолеты непригодными для использования в военных целях.⁵¹

Конечно, было бы неправильно сваливать всю ответственность за случившееся на одного великого князя Николая Николаевича. Безусловно, были причины объективного характера. «Многое в этой войне вышло за пределы человеческого разума, – писал С.П. Мельгунов, – и, конечно, причины военных неудач были сложнее, нежели злая воля отдельных людей».⁵²

К объективным причинам относится катастрофический недостаток снарядов, вызванный недостаточными объемами оборонной промышленности, просчетами военного министерства, нарушением экономических связей с Германией. После первых же боев начавшейся войны великий князь с тревогой осознал всю нехватку артиллерийских снарядов в русской армии. 21 сентября 1914 года он писал императору: «Уже около двух недель ощущается недостаток артиллерийских патронов, что мною заявлено было с просьбой ускорить доставку. Сейчас генерал-адъютант Иванов доносит, что должен приостановить операции на Перемышле и на всем фронте, пока патроны не будут доведены на местных парках хотя бы до ста на орудие. Теперь имеется только по двадцать пять. Это вынуждает меня просить Ваше Величество повелеть ускорить доставку патронов».⁵³

Говоря о причинах неудач русской армии, нельзя также забывать о той психологической и профессиональной неготовности к мировой войне, как войне совершенно новой, не похожей на другие войны, которая была свойственна всем армиям мира, включая русскую. Эта непод-

⁴⁸ Редигер А.Ф. *История моей жизни. Воспоминания военного министра*. М., 1999, т. 2, с. 376.

⁴⁹ Мосолов А.А. Указ, соч., с. 145.

⁵⁰ Бубнов А. В *Царской Ставке*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955, с. 9–10.

⁵¹ «Илья Муромец» в боях. АК (авиация, космонавтика), научно-популярный журнал ВВС. Выпуск 9, с. 11.

⁵² Мельгунов С.П. *На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года)*. Париж: Родина, 1931 с. 28.

⁵³ Головин Н.Н. Указ, соч., т. 2, с. 36.

готовленность к войне нового типа стала причиной многих военных неудач. «С точки зрения ведущих военных специалистов эпохи, – пишет А. Уткин, – война должна была продлиться примерно шесть месяцев. Предполагалось, что она будет характерна быстрым перемещением войск, громкими сражениями, высокой маневренностью; при этом едва ли не решающее значение приобретут первые битвы. Ни один генеральный штаб не предусмотрел затяжного конфликта».⁵⁴

Этими же причинами, во многом, был вызван и так называемый «снарядный голод». «Снарядный и патронный голод, – писал выдающийся советский стратег маршал Б.М. Шапошников, – являл собой яркий пример того, как необходимо правильно определять характер будущей войны и в зависимости от него устанавливать нормы нужных боевых запасов и порядок их пополнения. Мировая война с очевидностью показала, что удовлетворить потребности армии в патронах и снарядах одной военной промышленностью невозможно, необходима мобилизация гражданской промышленности».⁵⁵

То же самое писал и А.Ф. Редигер: «В моем распоряжении нет данных для того, чтобы винить Сухомлинова в том, что он не увеличил до войны норм запаса. Притом, кажется, и во Франции эта норма была не больше нашей, так что и там не предвидели чрезвычайного расхода снарядов».⁵⁶

Говоря о руководстве войсками великим князем Николаем Николаевичем, необходимо отметить, что под его началом русская армия блестяще провела Галицийскую битву 1914 года, взяла Львов и нанесла тяжелое поражение австро-венграм. Надо также помнить, что немцам так и не удалось в 1914 году добиться решающих успехов над русскими ни под Варшавой, ни под Лодзью, наоборот, все эти попытки были отражены, и немцы сами едва избежали окружения.

Однако, отлично зная всю остроту нехватки снарядов в артиллерии, всю маломощность отечественной промышленности, великий князь продолжает приводить в жизнь свой замысел «глубокого вторжения в Германию». Ранней весной 1915 года начинается штурм Карпат и новое вторжение в Восточную Пруссию. Эти операции, независимо от того, что одна из них завершилась блестящим русским успехом, а вторая неудачей, привели к растрате последних запасов артиллерийского парка, и лето 1915 года Россия встретила фактически без боеприпасов для тяжелой артиллерии.

Тем не менее, несмотря на объективные причины, в вопросах большой стратегии, в способности ведения современной войны, великий князь был явно не на своем месте. С самого начала войны действия русской Ставки характеризуются неразберихой, неслаженностью действий, отсутствием должного взаимодействия родов войск. Излишняя самоуверенность приводила к ненужным потерям, а совершенно непонятная робость не давала нашим войскам закрепить достигнутую победу. Как писал военный историк А.А. Керсновский: «Наши победы были победами батальонных командиров. Наши поражения были поражениями главнокомандующих».⁵⁷

Когда обстановка требовала стратегического отступления с целью сохранения войск, великий князь придерживался губительной тактики «Ни шагу назад!»; когда же эта обстановка требовала остановиться и закрепиться на позициях, великий князь беспорядочно отступал, уничтожая имущества и посеы своего населения. Крайне негативно сказывалась на успехе боевых действий постоянная оглядка главнокомандующего на западных союзников. Идя на поводу у командования союзных войск, великий князь не сумел воспользоваться сложившейся

⁵⁴ Уткин А.И. *Забывтая трагедия. Россия в первой мировой войне*. Смоленск: «Русич», 2000 с. 33–34.

⁵⁵ Шапошников Б.М. Указ, соч., с. 446.

⁵⁶ Редигер А.Ф. Указ, соч., т. 2, с. 396.

⁵⁷ Керсновский А.А. *История Русской армии*. М.: Голос, 1994, т. 4, с. 177.

благоприятной обстановкой на фронтах, особенно на Юго-Западном, и упустил возможность добиться решительного успеха над Австро-Венгрией уже в 1914 году.

Как писал полковник Генерального Штаба П.Н. Богданович: «В лице великого князя Николая Николаевича главнокомандующий союзными армиями заслонил собою русского главнокомандующего». ⁵⁸

В своих воспоминаниях Э.Н. Гиацинтов, бывший во время Мировой войны офицером русской армии, писал: «Главкомандующим был великий князь Николай Николаевич, который, как я считаю, был более французом, чем русским, – потому что он мог пожертвовать русскими войсками совершенно свободно только с той целью, чтобы помочь французам и англичанам». ⁵⁹

Ту же мысль мы встречаем и у генерала Н.Н. Головина: «Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич со свойственным ему рыцарством решает стратегические задачи, выпадающие на русский фронт не с узкой точки зрения национальной выгоды, а с широкой общесоюзнической точки зрения. Но эта жертвенность стоит России очень дорого». ⁶⁰

Генерал Спиридович крайне негативно отзывался о военных способностях великого князя: «Николай Николаевич, – писал он, – величина декоративная, а не деловая». ⁶¹

Того же мнения придерживался командир 3-го корпуса генерал Н.А. Епанчин: «Во время Мировой войны во главе славного русского воинства стоял не великий Суворов, а ничтожный Великий Князь Николай Николаевич». ⁶²

«При такой чудовищной войне нашли кому поручить судьбу русских воинов!» – писал о своем родственнике великий князь Николай Михайлович. ⁶³

Отсутствие больших военных талантов сочеталось в великом князе с взбалмошной и крайне самоуверенной натурой. «К великому князю Николаю Николаевичу, – вспоминал Гиацинтов, – я всегда чувствовал большую антипатию. Очень высокого роста, носящий всегда форму Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка с большим плюмажем на меховой шапке, он был необыкновенно груб, резок и очень строг. Он был большой интриган». ⁶⁴

Большой почитатель великого князя священник Георгий Шавельский писал: «При внимательном же наблюдении за ним нельзя было не заметить, что его решительность пропадала там, где ему начинала угрожать серьезная опасность. Это сказывалось и в мелочах, и в крупном: великий князь до крайности оберегал свои покой и здоровье; на автомобиле он не делал более 25 верст в час, опасаясь несчастья; он ни разу не выехал на фронт дальше ставок Главнокомандующих, боясь шальной пули; он ни за что не принял бы участия ни в каком перевороте или противодействии, если бы это предприятие угрожало бы его жизни и не имело абсолютных шансов на успех; при больших несчастьях он или впадал в панику, или бросался плыть по течению, как это не раз случалось во время войны или в начале революции». ⁶⁵

Об этом же пишет враждебно настроенный по отношению к Царю французский историк М. Ферро: «Репутация великого князя была, безусловно, несколько завышена. Близкие ему люди вспоминали, как он под предлогом того, что является крупной мишенью, проявлял осто-

⁵⁸ Богданович П.Н., генерального штаба полковник. *Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года. Воспоминания офицера генерального штаба армии генерала Самсонова*. Буэнос-Айрес, 1964, с. 18.

⁵⁹ Гиацинтов Э. *Записки белого офицера*. СПб, 1992, с. 51–52.

⁶⁰ Головин Н.Н., генерал. *Военные усилия России в Мировой войне*. Париж: Товарищество Объединенных Издателей, 1939, т. 2, с. 135.

⁶¹ Кобылин В. *Анатомия измены. Император Николай II и Генерал-адъютант М.В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора*. Под редакцией Л.Е. Болотина. С.-Петербург, 1998, с. 122.

⁶² Епанчин Н.А., генерал-от-инфантерии. *На службе трех императоров*. Воспоминания. М.: Издательство журнала «Наше Наследие», 1996, с. 400.

⁶³ Кобылин В. Указ, соч., с. 101.

⁶⁴ Гиацинтов Э. Указ, соч. с. 51–52.

⁶⁵ Шавельский Г. *Воспоминания*. Нью-Йорк, 1964, т. 1, с. 125–138.

рожность и держался подальше от фронта. Николай II был значительно храбрее. В хронике, снятой англичанами, есть кадры, где Царь навещает раненых солдат на передовой. Он возвращается туда снова и снова, словно хочет принести себя в жертву, но ни одна пуля, даже самая шальная, его ни разу не задела».⁶⁶

Великому князю было свойственно бояться ответственности. Он всегда искал виноватых за собственные ошибки. Так было в деле Мясоедова, когда по его приказу был казнен, обвиненный в шпионаже, человек, которого даже военно-полевой суд отказался признать виновным. Так было и в деле по обвинению в шпионаже военного министра Сухомлинова. Поддерживая обвинения в адрес этих лиц, великий князь тем самым как бы указывал обществу и армии «истинных» виновников того, что русские войска под его началом проигрывают войну. С.П. Мельгунов верно писал: «Можно считать неоспоримо доказанной не только невиновность самого Мясоедова, но и то, что он пал жертвой искупления вины других. На нем, в значительной мере, отыгрывались, и, прежде всего, отыгрывалась Ставка».⁶⁷

Упустив возможность решающих успехов над Австро-Венгрией в 1914 году, великий князь и возглавляемая им Ставка, не считаясь со сложившейся военной обстановкой и доходившими до них разведанными о готовящемся крупном наступлении противника, продолжали планировать глубокие удары вглубь Германии. Между тем, Император Николай II предлагал совершенно иной план развития военных действий. Этот план предполагал нанести в 1915 году решающий удар по Австро-Венгрии и Турции, проведя одновременно десантную морскую операцию с целью захвата черноморских проливов. Глядя из сегодняшнего дня, можно с уверенностью сказать, что если бы к этому плану прислушалось руководство Ставки, ход войны мог бы быть совершенно иным.

19 апреля 1915 года Гинденбург обрушил на русских свой сокрушительный удар. Под ударами германской артиллерии русские войска несли тяжелые потери, оставляя пядь за пядью территорию империи.

Генерал Н.Н. Головин, в общем, весьма снисходительный к Ставке и лично к великому князю Николаю Николаевичу, в своих научных военных изысканиях дал точные сведения о том, что произошло с русской армией летом 1915 года под руководством Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Ставка, пишет Головин, «слишком поздно решила на отвод наших армий вглубь страны. Это запоздание стоило много лишних жертв. В этом легко убедиться, если вспомнить цифры потерь русской армии за этот период. В летнюю кампанию 1915 года Русская Армия теряет убитыми и ранеными 1 410 000 человек, т. е. в среднем 235 000 в месяц. Это рекордная цифра для всей войны. Средняя величина потерь в месяц для всей армии равняется 140 000. Пленными в ту же кампанию Русская Армия теряет 976 000 человек, то есть по 160 000 человек в среднем в месяц. Если же взять только май, июнь, июль и август, то для каждого из этих четырех месяцев потеря пленными в среднем возрастает до 200 000. Среднее же таковое число в месяц для всей войны исчисляется в 62 000 человек».⁶⁸

Британский военный агент в Петрограде подполковник А. Нокс доносил в Лондон: «Силы русской армии велики только на бумаге. К несчастью, действительная сила составляет лишь одну треть штатной. Шестьсот пятьдесят тысяч ружей – вот все, что имеет сейчас Россия для защиты своей границы от Ревеля до Черновиц, протяжением в 1 000 миль. Весь вопрос в недостатке ружей».⁶⁹

В этих условиях великий князь Николай Николаевич впал в состояние, близкое к панике.

⁶⁶ М. Ферро. *Николай II*. М.: Международные отношения, 1991, с. 189–190.

⁶⁷ Мельгунов С.П. *На путях к дворцовому перевороту*. С. 21.

⁶⁸ Головин Н.Н. Указ. соч., т. 2. с. 139.

⁶⁹ Головин Н.Н. Указ. соч., т. 2, с. 67.

Священник Георгий Шавельский вспоминал о поведении великого князя в тяжелые дни весны-лета 1915 года: «Ко мне в купе быстро вошел Великий Князь Петр Николаевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.